

«Служащий же финляндец привыкает уважать и любить Россию...»: военно-учебные заведения Великого княжества Финляндского в системе военной школы Российской империи

А. Н. Гребенкин

После включения Финляндии в состав Российской империи была организована подготовка финской молодежи к получению офицерского звания в особых военно-учебных заведениях, призванная одновременно приобщить их к русской культуре и воспитать в духе преданности имперской власти. В 1812–1903 гг. действовал Финляндский кадетский корпус, преподавание в котором велось по специально разработанной программе как на шведском, так и на русском языке. С 1865 по 1879 гг. кандидатов в офицеры готовило Гельсингфорское пехотное юнкерское училище, руководство которого уделяло большое внимание воспитанию юнкеров в духе любви не только к своей родине, но и к Российской империи в целом. К сожалению, нехватка средств, отсутствие квалифицированных педагогов и неудовлетворительная постановка учебно-воспитательной работы в Финляндском кадетском корпусе не позволяли решить поставленные задачи в полном объеме. Существенное ограничение в конце XIX – начале XX в. привилегий, некогда дарованных финнам, способствовало разрушению национальной военной школы, которая была даже не интегрирована в общеимперское военно-образовательное пространство, а полностью уничтожена.

Ключевые слова: Российская империя, Великое княжество Финляндское, военное образование, имперская политика, национальные меньшинства, русификация.

Для цитирования: Гребенкин А. Н. «Служащий же финляндец привыкает уважать и любить Россию...»: военно-учебные заведения Великого княжества Финляндского в системе военной школы Российской империи // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 118–136. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_118. EDN: KVRTQK

Введение

Одним из важных средств, позволяющих осуществить успешную инкорпорацию национальных окраин в состав единого политического пространства, является учреждение учебных заведений, призванных воспитывать детей местных жителей в духе преданности имперскому центру. В XIX в. данная задача решалась в России в отношении представителей народов Северного Кавказа и Закавказья, царства Польского и Великого княжества Финляндского. При изучении форм, методов и результатов подобной образовательной политики, объектом которой являлись национальные меньшинства, следует обращать внимание не только на достижения, но и на допущенные ошибки и просчеты. Опыт деятельности военно-учебных заведений в Финляндии дает исследователям возможность рассмотреть комплекс проблем, препятствовавших полноценной инкорпорации финнов в состав политической и военной элиты Российской империи.

Научный анализ проблемы организации подготовки офицеров в военно-учебных заведениях, созданных на территории Великого княжества Финляндского в XIX в., позволяет осуществить полноценную характеристику одной из важнейших составляющих процесса инкорпорации Финляндии в состав Российской империи. Академическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в изучение политики российского правительства по отношению к национальным окраинам в XIX – начале XX в. и дает возможность проследить ее динамику. В контексте сохранения определенных проблем в сфере образовательного пространства современной многонациональной России изучение как положительного, так и негативного опыта дореволюционной России позволяет сформулировать ряд рекомендаций и тем самым обуславливает практическую значимость настоящей работы.

Исследование истории военно-учебных заведений Финляндии началось еще в дореволюционный период. В 1889 г. вышла работа «Финляндский кадетский корпус. 1812–1887. Исторический очерк» [1], выдержанная в традициях юбилейных «полковых» изданий, где преимущественное внимание уделено внешней стороне событий. Вместе с тем описание постановки учебной части занимает достаточно много места

и в некоторых случаях содержит интересные факты, почерпнутые из архивных дел корпуса, которые не дошли до наших дней. Положения и выводы труда позволяют судить о влиянии имперской военно-образовательной политики на организацию подготовки офицеров в стенах Финляндского кадетского корпуса. Гораздо более сжатая характеристика дана взаимоотношениям воспитанников. Некоторые аспекты деятельности Гельсингфорсского пехотного юнкерского училища нашли отражение в фундаментальном труде генерала П. О. Бобровского «Юнкерские училища» [2; 3].

В советский период история военной школы Великого княжества Финляндского оказалась вне поля зрения исследователей. Лишь в 1975 г. вышло исследование В. В. Похлебкина, посвященное взаимоотношениям Финляндии и Российской империи. Автор в качестве основного ставит вопрос о том, каким образом Великое княжество Финляндское, обладавшее исключительным статусом и привилегиями, встало на путь сепаратизма.

Из зарубежных исследователей в 1980–2000-е гг. весьма плодотворно занимался историей военно-учебных заведений, расположенных в Великом княжестве Финляндском, английский историк Дж. Скрин (J. O. E. Screen). Его перу принадлежат книги о Гельсингфорском пехотном юнкерском училище [4] и Финляндском кадетском корпусе [5], а также ряд статей. Работы Скрина отличаются добротной источниковой базой и объективностью выводов.

В новейший период отечественной истории российские исследователи проявляют устойчивый интерес к проблематике взаимоотношений Финляндии и России. При этом преобладают работы общего характера, в которых военная и военно-образовательная политика рассмотрена в общих чертах в качестве компонента имперской политики в целом. В начале XXI в. был защищен ряд диссертаций по различным аспектам истории Великого княжества Финляндского¹.

Специальных исследований, касающихся собственно военно-учебных заведений Великого княжества Финляндского, относительно немного. Так, сжатое описание деятельности Финлянд-

¹ Баландин С. Б. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской Империи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 184 с.; Загора М. Г. Великое княжество Финляндское при генерал-губернаторе Н. В. Адлерберге (1866–1881): дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 384 с.

ского кадетского корпуса приведено в биографических очерках одного из самых известных его выпускников – президента Финляндии К. Г. Маннергейма [6; 7]. Лишь в 2024 г. в «Ежегоднике финно-угорских исследований» была опубликована статья И. Н. Гребенкина и М. Г. Загора, касающаяся характеристики места Финляндского кадетского корпуса в официальной истории и свидетельствах современников [8]. На основе солидной источниковой базы, включающей документы из семейных архивов, авторы дали комплексную научную характеристику учебно-воспитательной работы в Финляндском корпусе в различные периоды его существования, взаимоотношениям воспитанников, бытовой стороне их жизни.

Однако работы, в которой нашли бы отражение вопросы подготовки офицеров в военно-учебных заведениях Великого княжества Финляндского в контексте развития системы российского военного образования и изменения имперской политики по отношению к Финляндии в настоящее время нет. Данная статья призвана хотя бы отчасти восполнить указанный выше историографический пробел.

Объектом настоящей работы является процесс подготовки офицеров в XIX – начале XX в. в военно-учебных заведениях, расположенных на территории Великого княжества Финляндского, в контексте развития российской военной школы и изменения правительственной политики Российской империи по отношению к Финляндии.

Исследование базируется на всеобщих, общенаучных, общелогических и специально-научных исторических методах. Из последних следует выделить метод социокультурного анализа, теорию модернизации и фронтирный подход. Метод социокультурного анализа используется в статье при характеристике неофициальных традиций, сложившихся в Финляндском кадетском корпусе. Теория модернизации позволяет выявить факторы и условия перехода от репрессивно-авторитарной модели подготовки будущих офицеров, доминировавшей до 1850-х гг., к гуманистической концепции, которая была разработана военным министром Д. А. Милютиным и его сподвижниками. Фронтирный метод дает возможность рассмотреть имперскую военно-образовательную политику в отношении финнов как компонент колонизации Финляндии, превращения ее из реги-

она с особым статусом в часть общероссийского политического и культурного пространства.

При изучении нормативных правовых актов применялся формально-юридический метод.

В работе над статьей использовались следующие виды источников: 1) нормативные правовые акты; 2) правоприменительные акты; 3) неопубликованные делопроизводственные материалы; 4) источники личного происхождения.

Первую группу источников образуют:

Устав военно-учебных заведений второго класса (1830 г.) и Положение о юнкерских училищах (1864 г.), которые были опубликованы в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ).

Положения о Финляндском кадетском корпусе, публиковавшиеся в ПСЗРИ, печатавшиеся в качестве приложений к приказам по военному ведомству, а также выходившие в Гельсингфорсе отдельными изданиями.

Высочайшие объявления российских императоров, которые регламентировали отдельные стороны жизни военно-учебных заведений Великого княжества Финляндского, печатались в Гельсингфорсе в частной типографии и в настоящее время хранятся в Библиотеке Российской академии наук.

Вторая группа источников представлена приказами военного министра, Главного начальника военно-учебных заведений и руководителей военно-учебных заведений Великого княжества Финляндского, которые издавались типографским способом и находятся на хранении в Русском книжном фонде Российской национальной библиотеки. В них содержатся сведения о приеме и выпуске обучающихся, назначениях и наградах офицеров и учителей.

Третья группа источников представляет собой документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Особый интерес представляет переписка по поводу реорганизации Финляндского кадетского корпуса, предшествовавшая принятию решения о его закрытии [16].

Наконец, четвертая группа источников представлена как опубликованными, так и неопубликованными материалами. Из опубликованных источников следует назвать мемуары выпуск-

ников корпуса А. Ф. Редигера и К. Г. Маннергейма, в которых дана характеристика внутренней жизни Финляндского кадетского корпуса. Весьма ценные сведения содержатся в неопубликованных письмах начальника Гельсингфорсского пехотного юнкерского училища полковника Ф. К. Купфера создателю и куратору юнкерских училищ полковнику (впоследствии генералу) П. О. Бобровскому [13]. Они позволяют воссоздать сложившуюся в 1860-е гг. концепцию подготовки будущих офицеров-финнов.

Цель статьи – реконструировать процесс воспитания финнов в военно-учебных заведениях Великого княжества Финляндского в XIX – начале XX в. в интересах имперского центра, охарактеризовать достижения и выявить ошибки и недочеты. Данная цель предопределила постановку следующих задач: 1) рассмотреть постановку учебно-воспитательной работы в Финляндском кадетском корпусе и Гельсингфорсском пехотном юнкерском училище в контексте стоявших перед ними политических целей; 2) привести краткие сведения о бытовой стороне жизни воспитанников; 3) дать характеристику деятельности военно-учебных заведений Великого княжества Финляндского, направленной на ознакомление молодых финнов с русским языком; 4) осуществить анализ методов и средств этой деятельности; 5) выявить положительные и отрицательные стороны организации обучения и воспитания финнов в Финляндском кадетском корпусе и Гельсингфорсском пехотном юнкерском училище. В качестве рабочей гипотезы исследования выдвинут тезис о том, что неуспех попыток превратить выпускников военно-учебных заведений Великого княжества Финляндского в полноценный компонент политической и военной элиты Российской империи был обусловлен не только объективными причинами, но и серьезными просчетами на уровне руководства Главного управления военно-учебных заведений, а также ошибками при формировании и реализации образовательной парадигмы в Финляндском кадетском корпусе.

Результаты

В октябре 1812 г., спустя три года после вхождения Финляндии в состав России, благодаря поддержке Александра I в мызе Гапаниemi был открыт Финляндский топографический корпус, который в 1819 г. был переведен в г. Фридрихсгам и переименован

в Финляндский кадетский корпус. Цель данного военно-учебного заведения заключалась «в приготовлении финляндских юношей к поступлению на службу Его Величества в войска, в России и в Финляндии расположенные» [9, л. 1 об.]. Это способствовало тому, что «возбуждалась и поддерживалась взаимная связь между Финляндией и империей к обоюдной их пользе» [9, л. 1 об.].

В правление Николая I Финляндский кадетский корпус был включен в систему военного образования Российской империи, а его курс – приближен к программе военно-учебных заведений второго разряда (к ним относились столичные и Московский кадетские корпуса, а также Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров) [1, с. 2]. Отличие в постановке учебного курса заключалось в том, что преподавание ряда дисциплин в корпусе вынужденно велось на шведском языке. Так, в 1 и 2 классах общего курса все предметы преподавались на шведском языке. В 3, 4 и 5 классах общего курса и обоих классах специального курса история, география, статистика, все военные науки (кроме топографии) и российское военное законодательство преподавались на русском языке, а остальные предметы – на шведском. Среди учителей корпуса в 1850-е гг. было много финнов, не состоявших на действительной российской службе¹. Круг дисциплин, которые следовало вести на русском языке, постепенно расширялся. К ним была отнесена, например, ботаника.

Следует отметить, что руководство военно-учебных заведений придавало большое значение изучению русского языка как средству сближения с Россией. В июне 1850 г. директором корпуса генерал-лейтенантом бароном И. И. Мунком был поднят вопрос о том, чтобы история, которая, в соответствии со штатом заведения, начиная с 3 общего класса должна была читаться на русском языке, читалась бы в этом классе на шведском языке. Мунк аргументировал свое мнение тем, что воспитанники данного класса еще так слабо владели русским языком, что были вынуждены заучивать уроки наизусть и не могли справиться даже с сокращенным учебным пособием. Кроме того, учителям приходилось постоянно поправлять ответы кадет, из-за чего опрос катастрофически затягивался, и это также не позволяло

¹ Высочайшее Его Императорского Величества объявление о присвоении некоторым учителям Финляндского кадетского корпуса права на пенсию. Дано в Гельсингфорсе 28 июля 1858 г. Гельсингфорс: в Типографии наследников вдовы Симелиус, 1858. С. 1.

пройти программу в полном объеме. Если же педагог не исправлял ошибок, то кадеты привыкали говорить неправильно, и цель изучения русского языка оказывалась недостигнутой.

Однако руководство военно-учебных заведений не согласилось с данным предложением. Цесаревич Александр Николаевич, занимавший в то время должность Главного начальника военно-учебных заведений, велел оставить прежнюю систему преподавания, «отозвавшись при сем, что если собственно преподавание истории от этого пойдет медленнее, то русский язык выигрывает очень много» [11, л. 1]. Лишь в следующем году генералу Мунку удалось отстоять свою точку зрения.

Финляндский кадетский корпус был не единственной военной школой, расположенной на территории Великого княжества. Как указывает выдающийся деятель дореволюционных военно-учебных заведений П. О. Бобровский, «еще в 1843 г. возникала мысль о необходимости иметь школу для уроженцев Финляндии, поступающих подпрапорщиками и унтер-офицерами из вольноопределяющихся, чтобы доставить им способ к изучению русского языка и военных наук на этом же языке» [3, с. 30]. В 1846 г. при 22-й дивизии, которая размещалась в Гельсингфорсе, была открыта военная школа. Обучение на русском языке велось в двух старших классах. Существенным недостатком школы было совместное обучение старших и младших воспитанников, которое было причиной развития негативной традиции издевательств сильных над слабыми, аналогичной той, что являлась бичом старых кадетских корпусов. Отсутствие необходимых условий для полноценного изучения русского языка приводило к тому, что школу заканчивал лишь каждый шестой поступивший.

В начале 1861 г. по инициативе генерал-губернатора Финляндии графа Ф. Ф. Берга школа была подвергнута коренной реорганизации, и 6 мая 1861 г. было высочайше утверждено Положение о юнкерском училище войск в Финляндии. За счет ассигнованных дополнительно сумм улучшилось содержание юнкеров, была заведена небольшая, но тщательно подобранная библиотека.

В начале 1865 г. Финляндский кадетский корпус был также реформирован¹. В соответствии с новым положением, цель заведения заключалась «как в общем ученом образовании мо-

¹ Приказ военного министра. 19 апреля 1865 г. № 148. СПб., 1865. С. 1.

лодых людей из финляндских уроженцев, так и в особенности в воспитании и образовании их в офицеры для всякого рода военной службы»¹. В отличие от прочих кадетских корпусов, на базе общих классов которых были образованы военные гимназии, а специальные классы были сведены в военные училища, в корпусе сохранялось объединение общего и специального курсов, и его выпускники по-прежнему производились в офицеры. В учебной программе наряду с традиционными языками (русским, немецким и французским) значились шведский и финский. Учебным языком был шведский, но при этом оговаривалось, что «в специальных классах военные законы России и военные науки преподаются на языке русском»².

В 1865 г. на базе юнкерского училища войск в Финляндии в числе других юнкерских училищ было открыто Гельсингфорсское пехотное юнкерское училище³. Оно было призвано не только готовить офицеров для финской армии, но и служить важным средством воспитания молодых финнов в духе преданности имперской власти. Первый начальник училища капитан (впоследствии полковник) Генерального штаба Ф. К. Купфер в одном из своих писем создателю и куратору юнкерских училищ полковнику П. О. Бобровскому докладывал: «Юнкерское училище кроме обыкновенной своей пользы хорошо здесь и тем, что привлекает финляндцев на службу, которые прямо в полки не стали бы поступать. Служащий же финляндец привыкает уважать и любить Россию и действует более или менее на распространение тех же идей между своими» [13, л. 56].

В сентябре 1864 г. капитан Купфер ходатайствовал перед начальником штаба Финляндского военного округа о том, чтобы открыть особый третий (младший) класс с сокращенной программой для юнкеров и вольноопределяющихся из числа местных уроженцев, умевших только читать и писать по-русски; «таким образом, незнающие русского языка должны там оставаться лишний год в училище» [3, с. 189]. Программа этого класса была составлена таким образом, чтобы юнкера, слабо владевшие русским языком, могли уделять значительную

¹ Проект Положения о Финляндском кадетском корпусе: Высочайше утвержден 26 февраля (9 марта) 1865 г. СПб., 1865. С. 1.

² Там же. С. 6.

³ Приказ военного министра. 30 марта 1865. № 122. СПб., 1865. С. 1.

часть своего времени на его изучение. Науки же преподавались в ограниченном объеме на шведском языке.

Шведский язык был введен в училище по следующим причинам:

1) в училище поступало много юнкеров лейб-гвардии финских стрелковых поселенных батальонов, почти не знавших русского языка;

2) шведы, прослужив в полку в течение года и получив унтер-офицерское звание, далеко не всегда за это время могли выучить русский язык настолько, чтобы слушать на нем лекции;

3) это служило дополнительным стимулом привлечения финляндцев в училище;

4) чтение лекций исключительно на русском языке могло бы пробудить у финнов зависть к русским юнкерам, которые, несомненно, достигали бы при подобном подходе лучших успехов.

В общем (среднем) классе, по мнению Купфера, следовало учредить особое отделение для финляндцев, в которое он предполагал «принять лишь тех из них, которые свободно переводят с русского на шведский язык, но которые еще не могут с пользой слушать лекции на русском языке» [13, л. 547]. Преподавание некоторых предметов там велось на шведском языке, но с второго полугодия юнкера, слушая предметы по-прежнему на родном языке, должны были отвечать на занятиях по-русски. Это давало возможность отделить финнов, уже хорошо знавших русский язык, от тех, кто еще плохо им владел, чтобы они могли заниматься по особой программе.

Такой подход представлялся начальнику училища более предпочтительным, «нежели усиленное занятие слабых по русскому языку финляндцев этим языком в общем классе» [13, л. 552]. Кроме того, он давал возможность избежать оставления большого количества обучающихся на второй год, так как одновременно изучать науки и язык большинству юнкеров было не по силам. Для перевода в старший класс требовалось свободное владение русским языком, и все дисциплины без исключения там читались только по-русски.

Увеличить количество часов на изучение русского языка не представлялось возможным, так как день юнкера был насыщен разнообразными занятиями, и перегрузка могла вызвать у него отвращение к работе. Кроме того, следовало принять во внимание, что большинство юнкеров (особенно младшего

класса) было слабо подготовлено к напряженной серьезной умственной работе. Обучающимся каждый день приходилось тратить четыре часа на учебу в классах, два часа – на строевую и огневую подготовку, два часа – на приготовление уроков. Подъем был в шесть часов утра, отбой – в десять часов вечера. Из оставшегося свободным времени только три с половиной часа после обеда «можно считать настоящим отдыхом юнкера, он гуляет в это время по городу, пьет чай, если имеет средства, и освежается разговорами с товарищами или чтением какой-нибудь книги» [13, л. 598–598 об.]. На время подготовки к экзаменам и текущим проверочным собеседованиям (так называемым репетициям) юнкера лишались и этого отдыха. Начальник училища полагал, что заведение должно было готовить не только знающих, но и физически здоровых офицеров.

Как и другие юнкерские училища, размещенные на периферии, Гельсингфорское училище испытывало хроническую нехватку учителей. Данная проблема здесь усугублялась тем, что не было именно русских учителей, способных транслировать идеи, в распространении которых было заинтересовано правительство.

Для обучения юнкеров Купфер предлагал прикомандировать несколько офицеров, хорошо знавших как русский, так и шведский языки. В противном случае, по его мнению, училище бы не могло располагать преподавателями. В соответствии с положением о юнкерских училищах, учительские вакансии следовало замещать офицерами местных войск, а также педагогами местных военных и гражданских учебных заведений. Между тем в Гельсингфорсе не было русских учебных заведений, а в Финляндском военном округе офицеров Генерального штаба было меньше, чем в других округах. В одном из писем Купфер сетовал на то, что единственный офицер Генерального штаба, который мог бы взять на себя преподавание фортификации, утонул. Еще одним ресурсом были офицеры Свеаборгской крепостной артиллерии, инженерного управления и саперного батальона, а также расположенного в Гельсингфорсе армейского полка, среди которых, впрочем, сложно было найти кандидатов, соответствовавших всем требованиям, особенно с учетом того, что начальник училища стремился принимать финнов и шведов лишь в качестве исключения.

Чтобы организовать преподавание на должном уровне, Купфер просил оставить при училище в прикомандировании уже занимавшихся преподаванием капитана 88-го пехотного Петровского полка Максимова и капитана Выборгского крепостного полка Иванова, «преподающих несколько предметов и в числе их русский язык в общих классах и особенно полезных училищу не только по усердию и знанию дела, но и по знанию шведского языка, который в младшем классе составляет важное условие для преподавателя» [13, л. 548 об.]. Офицеров Свеаборгской крепостной артиллерии, изъявлявших желание преподавать, Купфер предлагал прикомандировывать к училищу с согласия начальника артиллерии Финляндского военного округа только на время учебного курса (с 1 сентября по 1 апреля). Это давало им возможность находиться при своих частях в летние месяцы, когда производились учения и маневры.

Нехватку офицеров нельзя было компенсировать приглашением инженеров, так как они получали усиленное содержание и не были заинтересованы в материальном отношении. Поэтому в 1865 г. на должность преподавателя фортификации пришлось пригласить отставного майора Бойсмана, который, хотя и провел большую часть своей службы в конной артиллерии, знал эту дисциплину хорошо. Неудобство здесь возникало оттого, что «господин во фраке, читающий военные науки, производит на инспектирующее лицо всегда странное впечатление» [13, л. 675]. В начале 1865/66 учебного года Бойсман был заменен инженерным офицером из Свеаборга.

Много вопросов было связано с подбором командного состава. Командиром роты при учреждении училища был майор Головачев. Поскольку по штату ротный командир должен был иметь чин капитана, Головачев опасался отчисления. Начальник училища весьма ценил знания, опыт и энергию майора Головачева, который ранее служил в образцовом полку и знал шведский язык. Поэтому он ходатайствовал о том, чтобы командира роты разрешили оставить при училище в качестве исключения. Дежурных офицеров предпочитали брать из числа знавших шведский язык, но их в Финляндии было немного. Поэтому приходилось брать не только штабс-капитанов и поручиков, но и подпоручиков, хотя они не обладали необходимым опытом. Чтобы укоренить в заведении «русский дух»,

дежурные офицеры из числа шведов в 1865 г. были уволены, а на их место назначены русские.

Грамотная организация учебного процесса с самого начала деятельности училища на новых основаниях позволила избежать розни между русскими и финнами. Они хорошо ладили друг с другом, особенно в старшем классе, где учились совместно. Кроме того, финны проникались благодарностью к правительству. «Шведский дух», заметный в заведении на момент его переформирования, быстро исчез, так как русских юнкеров было больше, чем финнов. Несмотря на это, многие финны и эстляндцы желали определить в училище своих сыновей.

Что касается Финляндского кадетского корпуса, то он практически не испытал на себе влияния милютинской военно-учебной реформы и в 1860–70-е гг. жил своей жизнью. Как уже отмечалось выше, корпус не был реорганизован в военную гимназию, поэтому в организации обучения и воспитания сохранялось много пережитков николаевской эпохи. Начальство обращалось с воспитанниками исключительно официально. Как и в дореформенных военно-учебных заведениях, в корпусе были младшие командиры из числа самих воспитанников. Интересной традицией было существование «Товарищества», в которое входили воспитанники специальных классов. Члены «Товарищества» осуществляли патронаж над младшими кадетами, следили за их успехами в учебе и не позволяли им совершать проступки. Как отмечал будущий военный министр Российской империи А. Ф. Редигер, поступивший в корпус в 1866 г., «Товарищество, несомненно, приносило большую пользу, придавая Корпусу дух большой порядочности, и его боялись куда больше, чем начальства» [14, с. 39].

В то время как обстановка военных гимназий имела мало общего с казарменной, Финляндский корпус отличался спартанскими условиями. Железные кровати, табуреты, отсутствие в меню каких-либо лакомств, которые заменялись хлебом грубой выпечки и сухарями, – все это роднило заведение с кадетскими корпусами эпохи Александра I и Николая I. Так же, как и обитатели николаевских «кадетских монастырей», питомцы Финляндского корпуса радовались пирогам с мясом, которые дважды в неделю подавались на ужин. Булки и масло финляндцы видели лишь по большим праздникам.

Досуг кадет не был продуктивно заполнен. Лишь изредка организовывались поездки за город. В русских кадетских корпусах, а затем в военных гимназиях большое внимание уделялось организации чтения воспитанников. Финляндцам никто не рекомендовал книг, и свободное время они проводили в страшной тоске.

Задача знакомства кадет с русским языком и русской культурой решалась однобоко: в то время как уроков по русскому языку было много, русская литература не преподавалась совсем. Неудивительно, что, как отмечал А. Ф. Редигер, «корпус был исключительно финляндский как по составу офицеров и кадет, так и по языку преподавания и учебным программам и, наконец, по всему своему духу!» [14, с. 45] Большинство кадет не только не любили Россию, но и относились к ней с презрением. Среди преподавателей и офицеров было много людей, не соответствовавших своему статусу ни по уровню знаний, ни по взглядам. Следует отметить, что в военных гимназиях в 1860-е – первой половине 1870-х гг. большинство педагогов и воспитателей принадлежало к числу хорошо образованных людей, имевших специальную подготовку, и лишь к концу 1870-х гг. повсеместное развитие кризисных явлений привело к появлению учителей, подобных тем, о которых описал А. И. Куприн в своей повести «На переломе (Кадеты)».

Описанная выше конкуренция Финляндского кадетского корпуса и Гельсингфорского пехотного юнкерского училища завершилась в 1879 г., после закрытия училища. К сожалению, из двух военно-учебных заведений, решавших схожие задачи, было уничтожено то, которое делало это, несмотря на все препятствия, более эффективно. Это необдуманное решение, принятое на уровне Главного управления военно-учебных заведений, было следствием системного кризиса российской военной школы, когда многое делалось вопреки здравому смыслу.

В правление Александра III Финляндский кадетский корпус, как и все другие военно-учебные заведения, был «подтянут», дисциплинарным требованиям стало уделяться еще большее внимание. Воспитанники по-прежнему контролировали поведение своих однокашников с помощью товарищеского суда; у каждого младшеклассника был опекун из числа старших кадет, который следил за учебной и поведенческой деятельностью своего питомца. Дурным

традициям в стенах заведения не было места, и, как вспоминал будущий президент Финляндии К. Г. Маннергейм, учившийся в корпусе в 1882–1886 гг., «атмосфера в корпусе была превосходная, а товарищеские отношения, возникшие в ней, оставались крепкими при любых превратностях судьбы» [15, с. 8]. В отличие от Гельсингфорсского училища, преподавательский состав корпуса отличался стабильностью. В 1885 г. на смену директору Ф. А. Неовиусу, имевшему репутацию не строевика, а «буржуа», пришел жесткий и требовательный генерал К. К. Энкель.

В конце XIX – начале XX в. Финляндский кадетский корпус стал подвергаться последовательному воздействию политики русификации Финляндии. Катализатором данного процесса стало подготовка к ликвидации самостоятельной армии Великого княжества Финляндского. В феврале 1900 г. военный министр генерал-адъютант А. Н. Куропаткин передал статс-секретарю Великого княжества Финляндского В. К. Плеве проект нового положения о корпусе. Он предполагал упразднение специальных классов, являвшихся аналогом военных училищ, преподавание всех предметов исключительно на русском языке, исключение из программы шведского языка и предоставление как минимум половины вакансий абитуриентам русского происхождения. Финляндский сенат, рассмотрев проект, не одобрил его.

Плеве, со своей стороны, акцентировал внимание на том, что корпус предназначен в первую очередь для подготовки финских абитуриентов, и если они перестанут поступать в корпус, это было бы крайне нежелательно, ибо «... корпус и по предположениям военного министерства должен содействовать сплочению Финляндской окраины с империей» [16, л. 2 об.]. Между тем неприятие проекта финским обществом, по мнению статс-секретаря, было обусловлено его неправильной трактовкой. Он полагал, что при преобразовании заведения следует подсветить следующее обстоятельство: «задача корпуса... должна заключаться только в предоставлении финляндцам возможности основательно изучить русский язык, словесность и историю и, благодаря этому, ближе узнать Россию и русских» [16, л. 3]. Поэтому возражения Сената не имели под собой почвы. Вместе с тем, чтобы не отталкивать финских абитуриентов от корпуса, следовало сблизить его курс с программами гражданских учебных заведений Финляндии, обеспечив в случае

необходимости возможность беспрепятственного перевода. По этой же причине Плеве предлагал не исключить из перечня преподаваемых предметов шведский язык, знание которого было необходимо каждому образованному жителю Финляндии. Наконец, он выступил за предоставление права поступления в корпус сыновьям лиц, не состоявших на военной службе. Все эти вопросы, по его мнению, должны были быть подвергнуты обсуждению в Главном управлении военно-учебных заведений.

Однако финляндский генерал-губернатор генерал-адъютант Н. И. Бобриков обрушился с резкой критикой на проект. Он настаивал на том, чтобы превратить Финляндский кадетский корпус в русское военно-учебное заведение. Русским абитуриентам он предлагал предоставить 75 % вакансий, «замещаая ими, в случае недостатка шведов и финнов, и остальные 25 %» [16, л. 28 об.]. Военный министр А. Н. Куропаткин согласился с предложениями Бобрикова.

Планам превращения Финляндского кадетского корпуса в русское военно-учебное заведение не суждено было сбыться. В 1903 г. корпус был закрыт.

Обсуждение и выводы

Подводя итоги, следует сказать о том, что Финляндский кадетский корпус и Гельсингфорское пехотное юнкерское училище с предшествовавшими ему военными школой и училищем, несмотря на свою скромную пропускную способность, оставили заметный след в истории и Финляндии, и системы отечественного военного образования, и русской имперской политики. Они были призваны одновременно решить несколько задач: подготовить офицеров для армии Великого княжества Финляндского, воспитать финскую молодежь в духе преданности самодержавию, содействовать дальнейшей инкорпорации Финляндии в состав Российской империи. Однако стесненные условия деятельности, хроническая нехватка средств, постоянные затруднения при поиске педагогов и офицеров не позволяли обоим заведениям выполнять свои обязанности в полном объеме и достигать хороших результатов. Применительно к корпусу следует отметить и ряд серьезных просчетов на уровне выстраивания образовательной и воспитательной парадигмы, которые не позволяли воспользоваться новейши-

ми достижениями военной педагогики и превращали корпус в заповедник казарменного воспитания николаевской эпохи. Кроме того, по отношению друг к другу училище и корпус были не союзниками, а конкурентами. К сожалению, в 1879 г. был закрыт не Финляндский корпус, а Гельсингфорсское училище, подготовка офицеров в котором велась на более прогрессивных началах. Финляндский кадетский корпус по инерции продолжал свою деятельность до очередной волны политики русификации, пришедшейся на рубеж XIX–XX вв.

Список литературы

1. Финляндский кадетский корпус. 1812–1887. Фридрихсгам: Типография акционерного общества, 1889. 130 с.
2. Бобровский П. О. Юнкерские училища. Ч. 3. Обучение и военное воспитание юнкеров. СПб.: Издание книгопродавца Я. А. Исакова, 1873. 688 с.
3. Бобровский П. О. Юнкерские училища. Т. 1: Историческое обозрение их развития и деятельности. Ч. 1, Ч. 2. Развитие школ при войсках для образования армейских офицеров. Развитие учебного плана. Средства и способы обучения. СПб.: Издание книгопродавца Я. А. Исакова, 1872. 264 с.
4. Похлебкин В. В. СССР – Финляндия: 260 лет отношений. 1713–1973. М.: Междунар. отношения, 1975. 408 с.
5. Screen J. E. O. The Helsinki Yunker School, 1846–1879: A Case Study of the Officer Training in the Russian Army. *Studia Historica* 22. Helsinki: SHS, 1986. 320 p.
6. Screen J. E. O. Keisarillinen Suomen kadettikoulu 1812–1903 Haminan kadetit koulussa ja maailmalla. Helsinki, 2003. 383 p.
7. Мейнандер Х. Густав Маннергейм: аристократ в суконном мундире; перевод со шведского Катарини Мурадян. М.: Весь Мир: Otava, 2020. 321 с.
8. Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии [1867–1951]: пер. со швед. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 208 с.
9. Гребенкин И. Н., Загора М. Г. Финляндский кадетский корпус в официальной истории и свидетельствах современников (XIX – начало XX в.) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024. – Т. 18. – № 1. – С. 76–86. EDN: НТКВВА
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 725. Оп. 56. Д. 2730.
11. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2465.
12. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2548.
13. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1.
14. Редигер. А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах. Т. 1. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. 574 с.
15. Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: АСТ: Астрель, 2011. 571 с.
16. РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 693.

"A Finnish Employee Gets Used to Respecting and Loving Russia...": Military Educational Institutions of the Grand Duchy of Finland in the Military School System of the Russian Empire

Aleksey N. Grebenkin

After Finland was incorporated into the Russian Empire, Finnish youth was trained to receive an officer's rank in special military educational institutions, which were designed to simultaneously introduce them to Russian culture and educate them in the spirit of devotion to imperial power. In 1812–1903 the Finnish Cadet Corps operated, where teaching was conducted according to a specially developed program in both Swedish and Russian. From 1865 to 1879 officer candidates were trained by the Helsingfors Infantry Cadet School, whose leadership paid great attention to educating cadets in the spirit of love not only for their homeland, but also for the Russian Empire as a whole. Unfortunately, the lack of funds and qualified teachers and unsatisfactory formulation of educational work in the Finnish Cadet Corps did not allow to solve the tasks in full. Significant limitation of the privileges once granted to the Finns in the late 19th – early 20th century contributed to the destruction of the national military school, which was not even integrated into the general imperial military educational space, but completely destroyed.

Key words: The Russian Empire, the Grand Duchy of Finland, military education, imperial politics, national minorities, Russification.

For citation: Grebenkin, A. N. (2024) «Sluzhashchij zhe finlyandec privykaet uvazhat' i lyubit' Rossiyu...»: voenno-uchebnye zavedeniya Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v sisteme voennoj shkoly Rossijskoj imperii ["A Finnish Employee Gets Used to Respecting and Loving Russia...": Military Educational Institutions of the Grand Duchy of Finland in the Military School System of the Russian Empire]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 118–136. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_118. EDN: KVPTQK

References

1. *Finlyandskij kadetskij korpus. 1812–1887* (1889) [The Finnish Cadet Corps. 1812–1887]. Fridrihsgam: Tipografiya akcionernogo obshchestva. (In Russ.)
2. Bobrovskij, P. O. (1873) *Yunkerskie uchilishcha. Ch. 3. Obuchenie i voennoe vospitanie yunkerov*. [Junker schools. Part 3. Training and military education of junkers]. St. Petersburg: izdanie knigoprodavca Ya. A. Isakova. (In Russ.)
3. Bobrovskij, P. O. (1872) *Yunkerskie uchilishcha. T. 1: Istoricheskoe obozrenie ih razvitiya i deyatelnosti. Ch. 1, Ch. 2. Razvitie shkol pri vojskah dlya obrazovaniya armejskih oficerov. Razvitie uchebnogo plana. Sredstva i sposoby obucheniya* [Junker schools. Vol. 1: Historical review of their development and activities. Part 1, Part 2. Development of schools in the military for the education of army officers. The development of the curriculum. Means and methods of teaching]. St. Petersburg: izdanie knigoprodavca Ya. A. Isakova. (In Russ.)
4. Pohlebkin V. V. (1975) *SSSR – Finlyandiya: 260 let otnoshenij. 1713–1973* [USSR – Finland: 260 years of relations. 1713–1973]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russ.)
5. Screen, J. E. O. (2003) *Keisarillinen Suomen kadettikoulu 1812–1903 Haminan kadetit koulussa ja maailmalla*. Helsinki, 2003. (In Fin.)
6. Screen, J. E. O. (1986) *The Helsinki Yunker School, 1846–1879: A Case Study of the Officer Training in the Russian Army*. *Studia Historica* 22. Helsinki: SHS. (In Eng.)
7. Mejnander, H. (2020) *Gustav Mannerheim: aristokrat v suknomnom mundire* [Gustav Mannerheim: an aristocrat in the cloth uniform]. Moscow: Ves' Mir: Otava. (In Russ.)

8. Meri, V. (1997) *Karl Gustav Mannerheim – marshal Finlyandii [1867–1951]* [Carl Gustav Mannerheim – Marshal of Finland [1867–1951]]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

9. Grebenkin, I. N., Zagora, M. G. *Finlyandskij kadetskij korpus v oficial'noj istorii i svidetel'stva sovremennikov (XIX – nachalo XX v.)* [The Finnish Cadet corps in the official history and testimonies of contemporaries (19th – early 20th century)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2024. Vol. 18. No 1. Pp. 76–86. (In Russ.). EDN: HTKWAA

10. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* (hereinafter – RGVIA) [The Russian State Military Historical Archive]. F. 725. Op. 56. D. 2730. (In Russ.)

11. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 2465. (In Russ.)

12. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 2548. (In Russ.)

13. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. F. 80. Op. 1. D. 1. (In Russ.)

14. Rediger, A. F. (1999) *Istoriya moej zhizni. Vospominaniya voennogo ministra* [The story of my life. Memoirs of the Minister of War]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Kanon-press; Kuchkovo pole. (In Russ.)

15. Mannerheim, K. G. (2011) *Memuary* [Memoirs]. Moscow: AST: Astrel'. (In Russ.)

16. RGVIA. F. 165. Op. 1. D. 693. (In Russ.)

Об авторе

Гребенкин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация; e-mail: angrebyonkin@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9873-0092

About the author

Grebenkin Aleksey N., Doctor of Historical Sciences, Associated Professor, Employee, The Academy of Security Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russian Federation; e-mail: angrebyonkin@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9873-0092

Статья поступила в редакцию 08.09.2024

Одобрена после рецензирования 28.09.2024

Принята к публикации 08.10.2024